DOI: 10.17976/jpps/2024.05.06
EDN: PWHSDU

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ АРМЕНИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ И СИМВОЛАХ

С.Т. Золян

ЗОЛЯН Сурен Тиграновичч, профессор, Российско-Армянский университет, Ереван (Армения), email: surenzolyan@gmail.com

Золян С.Т. 2024. Новейшая история Армении в политических мифах и символах. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 82-101. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.06. EDN: PWHSDU

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 21AG-6C041 "Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности".

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024. Принята к публикации: 20.05.2024

Аннотация. В статье дается анализ семантики концептуальных сдвигов доминантных дискурсивных политических и социокультурных практик постсоветской Армении. Ее политическая история этого периода репрезентируется посредством ключевых символов и концептов, представляющих гетерогенное сочетание мифологизированной древней истории с советскими и антисоветскими идеологемами. Попытки создания новых символов или переосмысления старых привели к существенным трансформациям основных дискурсивных практик, которые должны были стать базовыми для легитимации армянской политической идентичности. В целом, если отойти от содержательных аспектов, то семиотические операции управляются двумя ведущими трансформационными принципами: рекурсией и инверсией, которые К. Леви-Стросс описал применительно к мифу, При этом в одном социокультурном пространстве могут сосуществовать разные циклы этого процесса. Политическая постсоветская история Армении распадается на четыре периода, каждый из которых связан с определенным политическим режимом (1990-1998; 1998-2018; 2018-2020; 2020 – по настоящее время). Каждый из них порождает различные политические мифы, как доминантные (официальные), так и оппозиционные, однако в целом все они базируются на базовом словаре, который сформировался в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Поэтому с точки зрения символических паттернов все они основаны на трансформации (отрицании, инверсии и рекурсии) предыдущих этапов. Так, начальный этап характеризовался переоценкой ценностей: все советское подлежало отрицанию, а в качестве образца рассматривалась Республика Армении 1918-1920 гг. Формировался конфликт между концептами реинкарнации и созидания, поскольку новая власть стремилась утвердить себя через миф сотворения принципиально новой – а именно политической нации. Советской Армении противопоставлялась не-советская, которая затем, в свою очередь, расщеплялась на два контрарных концепта – Первая *vs* Третья Республика. Затем последовало их "примирение", что нашло отражение в метанарративе Трех республик, в рамках которого Советская Армения занимает достойное место как промежуточное звено перехода от неполной к полноценной независимой государственности. В 2010-е годы возрождаются примордиалистские нарративы, утверждающие неизменность Армении начиная с легендарного прародителя Айка. В настоящее время очевидна попытка создания концепта "Четвертой республики", основанной на отрицании предыдущих, вплоть до отказа от Декларации независимости как советского наследия и аннулирования прежних символов государственности (герб, гимн, гора Арарат).

Ключевые слова: постсоветская Армения, политическая мифология, политическая символика, символическая политика, национальная идентичность.

Введение: политический миф как язык политических практик

Мы рассмотрим семантику концептуальных сдвигов в доминантных дискурсивных политических практиках современной Армении. Известно, что политические символы и символические практики не только репрезентируют политические процессы, но и формируют и регулируют их в рамках определенных семантических метаструктур. Современные концепции политической мифологии во многом базируются на работах Эрнста Кассирера о языке, мифе и государстве [Cassirer 1953, 1961]. В политологии политическая мифология также рассматривается как неотъемлемая часть политических практик. Согласно Гарольду Лассуэллу, политика и власть базируются, помимо квазирациональной *политической доктрины*, также и на политическом мифе [Lasswell 1949]. При этом п*олитический миф* определяется *как паттерн фундаментальных политических символов, актуальных в обществе* [Lasswell, Kaplan, Brunner 2014: 234]. Ключевая – для разграничения так называемых *мифа и реальности* – дихотомия между фактами и их символической репрезентацией оказывается снятой, поскольку сами "факты и события" не существуют вне их знаковых репрезентации и политического значения: "Политический язык – это и есть политическая реальность; другой нет, поскольку и для актора, и для зрителей актуален смысл событий" [Edelman 1985: 10]. "Реальность" (система означаемых) сливается с "языком" (системой означающих), и эту взаимную проницаемость и конгруэнтность можно рассматривать как семиотическую основу политических действий и процессов, генетически произрастающих из архаичных мифов и обрядов. Однако между архаической и современной политической мифологией есть существенное различие. М. Эдельман, принявший точку зрения К. Леви-Стросса о регулирующей функции мифов в человеческом обществе, счел нужным оговорить: "Леви-Стросс заявляет, что 'цель мифа состоит в том, чтобы предоставить логическую модель, способную разрешить противоречие'... В случае с политическими мифами функция преодоления противоречия по-прежнему является центральной. Тем не менее, для каждого из конфликтующих когнитивных паттернов существует пара противоположных мифов. Наша амбивалентность выражается в раздельных, сопутствующих друг другу мифах, внутренне непротиворечивых, но несовместимых друг с другом" ([ibid.: 133], см. также [Edelman 1998]).

Таким образом, политическая мифология основана на противоречащих друг другу и конкурирующих семантических паттернах, а постоянное взаимодействие между ними и есть данное в символической форме отражение *реального* положения дел. "Политические мифы" могут быть выражены в различных семиотических формах, но, поскольку они ориентированы на максимально широкую аудиторию, их базовое содержание должно быть передано посредством крайне ограниченного набора общепонятных символов, обладающих максимальной смысловой емкостью в данной культуре и отражающих фундаментальные ценности, которые могут объединить общество. Ограниченность ключевых символов и ценностей приводит к тому, что лексикон конкурирующих мифов почти не меняется, но трансформируется их конфигурация и аксиология.

С этой точки зрения политическая история современной Армении может быть описана как схема взаимодействия, пересечения и конфликта доминирующих политических метанарративов и символических практик. Они манифестируются в ключевых символах и нарративах, представляющих гетерогенную смесь мифологизированной истории с советскими и антисоветскими идео-

логемами. Попытки создания новых символов или реинтерпретации старых привели к существенным трансформациям первичных дискурсивных практик, претендующих на то, чтобы стать основой для легитимации армянской политической (государственной) идентичности. Тем не менее, анализ в части как сравнительной динамики, так и синхронизации состояния конкурирующих мифов показывает, что ведущими механизмами оказываются инверсия, негация и рекурсия исходной семантической модели. В целом же формула Леви-Стросса [Lévi-Strauss 1955], описывающая семантику мифопорождения в архаичном обществе, оказывается применима и к описанию современных процессов.

In my beginning is my end...[1]

Политическая история постсоветской Армении отчетливо делится на четыре периода: (1) 1990-1998 – становление независимой демократической Армении, победа в первой Карабахской войне, кризис управления и переход к автократии (лидерство Левона Тер-Петросяна); (2) 1998-2018 – стабильный автократический режим с постепенной стагнацией (президентство Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна; (3) 2018-2020 – так называемая бархатная революция и установление режима Никола Пашиняна; (4) с 2020 – продолжающийся кризис государственности, вызванный поражением во второй Карабахской войне и расколом общества.

Имеет смысл рассмотреть все эти этапы, обращая при этом особое внимание на начальный период, когда и происходит оформление ключевых дискурсов и символов (анализ этой проблематики см. в: [Abrahamyan 2006; Libaridian 1999; Panossian 2006; Rutland 1994; Suny 1993; 2001; Zolyan 2005]).

Обретение Арменией независимости проходило в рамках многовекторной политической и идеологической динамики. Главными политическими целями и формирующимися в процессе соответствующего целедостижения дискурсами были (1) борьба за Карабах и (2) борьба с коммунистическим режимом. В итоге политическое становление независимой государственности оказалось вне основных политических дискурсов, они оформляются уже после обретения Арменией независимости как бы для оправдания уже происшедших изменений. Между тем, само создание независимого государства предполагает идеологическое обоснование. Предшествующие независимости дискурсы акцентировали правовые аспекты легитимности возникновения Республики Армения, они ссылались на Конституцию СССР, а также на международное право (Устав ООН). При этом возникала коллизия между юридически никак не оформленным правом армянского народа (включавшего армян Нагорного Карабаха и ставшее диаспорой армянство Западной Армении) и правом на самоопределение Армянской ССР как союзной республики. Эта коллизия нашла свое решение в понимании международной правосубъектности как возможности требовать через международные институты восстановления исторической справедливости и признания геноцида 1915 г. Тем самым реализовывались, по крайней мере, декларативно, две важные функции. Первая – это единение Армянской ССР и диаспоры, историческая родина которой – не Восточная, а Западная Армения. Вторая – начало построения “свободной, независимой и объединенной Армении”. При этом воскрешалась главная идеологема

[1] “В моем начале мой конец...” – начальные слова поэмы Т.С. Элиота *“East Coker”*, Второй части цикла *“Four Quartets”*.

и неосуществленный лозунг Республики Армения 1918-1920 гг. – построение "свободной, независимой и единой Армении", – а также ее политическая символика (анализ дискуссий при принятии Декларации см. [Zakaryan 2023]).

В то же время как дополнение к историко-политическому выступал и культурно-традиционалистский дискурс, в котором Армения предстает как страна, сумевшая сохранить в исконном виде ряд базовых ценностей (цивилизацию Урарту, индоевропейские корни, первоначальное христианство и т.п.). Армения представлялась хранителем утраченных ценностей, что требовало защиты ее идентичности в форме независимого государства. Вплоть до 1990 г. подобные дискурсы были явлением культуры, литературы, публицистики, но политическим фактом они стали лишь после того, как на выборах в Верховный Совет победу одержали некоммунистические силы, в первую очередь, Армянское общенациональное движение (АОД). Новая государственная власть, взяв курс на независимость, уже могла и была обязана выразить новую смысловую и идеологическую формулу, включающую основополагающие дискурсы и систему символов. При этом следует учесть, что и политическая доктрина, и политический миф, а также его формулы (слоганы) и символы формировались с некоторым опережением, еще в контексте существующих политико-правовых норм и идеологии Советского Союза. Само обретение независимости от СССР происходило в соответствии с действующими законами СССР. Армения существовала в составе СССР, но принимаемые официальные документы описывали реальность как якобы Армения была уже вне СССР, что создавало своеобразный эффект совмещения поэтической и политической семантики, придавая своеобразную двусмысленность принимаемым документам.

Декларация была принята 23 августа 1990 г., почти за полтора года до распада СССР, и в ней не было пункта о выходе из его состава. Но отсылка к Республике 1918-1920 гг. актуализировала незавершенный проект той краткосрочной государственности, ее идеологию, а главное – ее политические символы и нереализованный лозунг "свободной, независимой и единой Армении". Некоторое время спустя создаются новые дискурсы и вводится соответствующая государственная символика (герб, гимн), внедряются новые интерпретации истории, создаются и воссоздаются культы героев и мучеников. Однако на начальном этапе новая Армения для выражения нового содержания репрезентирует себя посредством символов позднесоветского периода, изменив их коннотации и контексты. Переиначив принцип литературы соцреализма (*национальное по форме, социалистическое по содержанию*"), символику этого периода можно охарактеризовать как "советское по форме, антисоветское по содержанию". Наглядным свидетельством тому может послужить плакат с призывом сказать "Да" на референдуме о независимости 21 сентября 1991 г. (см. рис. 1а).

Плакат перегружен политической символикой, смысл которой можно понять из его сопоставления с прототипом: памятником в честь Сардарапатской битвы в 1918 г., когда армянам удалось отразить наступление турецких войск на Ереван. Уже в советское время Сардарапат стал символом героической борьбы, поскольку это позволило предотвратить геноцид армян в Восточной Армении. Официально Сардарапатский мемориал символизирует победу Армении над турецким вторжением в мае 1918 г., а не начало независимой

Армении, которая была провозглашена неделей позже (28 мая 1918 г.). Число 21, день голосования, изображено так, что напоминает монумент под названием "Несмолкаемая колокольня" (само это название отсылает к одноименной поэме Паруйра Севака, посвященной геноциду 1915 г. и возрождению армянской нации). Для большей убедительности и ясности был изображен и сам колокол; внутри него надпись на армянском языке "ДА" (*ԱՅՈ*) обозначала то, что должно было быть сказано на референдуме. Кроме того, разорванная цепь состояла из стилизованных русских букв: *СССР* – то, от чего надлежало освободиться.

Рисунок 1 (Figure 1)

Сопоставление двух плакатов к ключевым референдумам в Армении, соответственно, (A): о независимости 21 сентября 1991 г. (см. рис. 1a) и (B) по конституционной реформе 2020 года (см. рис. 1b). В обоих случаях призыв на плакатах один – сказать "ДА"

Comparison of two posters for key referendums in Armenia, respectively, (A): on independence on September 21, 1991 (see Fig. 1a) and (B) on constitutional reform in 2020 (see Fig. 1b). In both cases, the call on the posters is the same – to say "YES"

Рис. 1a

Рис. 1b

Этот плакат позволяет визуализировать словарь нового политического мифа: 21 сентября 1991 г. – начало новой истории. Он обращен к нарративу, призванному сохранять идентичность (армянский язык и алфавит), память о борьбе за выживание, в период геноцида 1915 г. и последующей агрессии Турции, о победе (Сардарапат), а также отрицающему несвободу, связываемую с СССР и опосредованно с русским языком (т.е. с некой чуждой идентичностью). В этом новом мифе проакцентированы две внешние угрозы для Армении и армян. Одна направлена на физическое, другая – на культурное уничтожение. А победа 1918 г. спроецирована на сегодняшний день. Но и художники, и заказчики, и адресаты проигнорировали тот факт, что Сардарапатский мемориал был создан в Советском Союзе и являлся одним из главных символов Советской Армении[2].

Первоначально происходит тривиальная замена "советского" на "антисоветское". Легкость подобной трансформации объяснялась и тем, что в обще-

[2] Так, в 1981 г. руководители Советских Азербайджана и Грузии Гейдар Алиев и Эдуард Шеварднадзе были обязаны посетить его во время их визита в Армению. См. День Республики и Победы в Сардарапарте. *ANI. Armenian Research Center*, 28.05.2022. https://www.aniarc.am/2022/05/28/may-28-armenia-republic-russian-text-ani/ (accessed 21.07.2024).

ственном сознании она уже фактически произошла ранее и оставалось лишь придать ей официальный статус, преобразовав армянский диссидентский дискурс в государственный. Так, *февральская авантюра* 1921 г. стала народным восстанием против большевиков, зато *Майское восстание* 1920 г. против дашнакского правительства превратилось в *майский мятеж*.

Естественно ожидать, что будет восстановлена символика Первой республики, а нынешняя будет рассматриваться как восстановление прежней. Ведь если Республика Армения (1991 г.) есть отражение (воспроизведение) Республики Армения (1918-1920 гг.), то речь должна идти не об обретении, а о восстановлении независимости, как тогда уже заявили об этом в своих декларациях Балтийские республики, Грузия, впоследствии – Азербайджан. В соответствии с мифологическими представлениями имела место своеобразная политическая реинкарнация: в 1991 г. воспроизводится Республика Армения с ее атрибутами государственности: флагом, гербом, гимном, и даже Арамом Манукяном, считающимся отцом-основателем республики 1918 г.[3] В качестве государственного флага был восстановлен триколор 1918 г., который в качестве неофициального, но уже общепринятого символа фигурировал начиная с 1990 г. Несколько сложнее оказалась ситуация с гимном и гербом. Гимн 1918 г. "Наша Родина" был принят только как "основа" – была утверждена музыка, но слова тогда было решено не утверждать, а доработать впоследствии. Первая строка написанного демократом-народником Микаелом Налбандяном в 1860-х годах стихотворения "Моя родина отверженная и покинутая" (*букв.*: "бесхозная") была вполне уместна в 1918 г., но явно не соответствовала государственному оптимизму 1991 г. Что касается герба 1918 г., то официально он был восстановлен только 19 апреля 1992 г. – нарисованный Мартиросом Сарьяном прежний герб Советской Армении с Араратом с эстетической стороны был намного совершеннее, поэтому отказ от него происходил куда труднее. Национальным днем было провозглашено 28 мая – день основания Первой Республики.

Однако реальные политические процессы потребовали значительных корректировок как применительно к внешнеполитическим, так и внутриполитическим факторам, чего не было в советский период, когда диссидентские нарративы оставались в пределах политической беллетристики и не влекли каких-либо последствий, кроме как уголовного преследования. Между тем, практическая реализация подобного проекта ставила непростые вопросы. Во-первых, восстановление Республики Армении 1918-1920 гг. означало и восстановление ситуации, возникшей по итогам двух поражений: проигранной войны с Турцией 1920 г. и фактической, хотя и необъявленной войны с Советской Россией в том же году. Что касается границ, то отказ от Карсского договора и признание действующим Севрского реально означал территориальные претензии к Турции. А во-вторых, во внутриполитическом плане подобная реставрация республики 1918 г. в качестве мифического прототипа и полная реинкарнация Республики 1918-1920 гг. легитимировала партию, которой была правящей в этой республике – Дашнакцутюн. Вставал вопрос о восстановлении легитимной власти в лице изгнанной большевиками из Армении партии.

Сохранившая себя за рубежом партия "Дашнакцутюн" воспринималась в обществе именно так, и сама воспринимала себя так же, почему и претен-

[3] Важным символическим элементом торжеств 23 августа 1990 г. стало то, что окончательный текст Декларации Независимости было доверено зачитать Араму Манукяну – молодой депутату из Кировакана как условной реинкарнации легендарного Арама Манукяна, умершего в 1918 г.

довала на то, чтобы быть истинным выразителем интересов всего армянства и готовилась вернуться в Армению именно в качестве правящей. Но ни новая власть (АОД), ни все еще сохранявшая свои позиции коммунистическая номенклатура вовсе не собирались уступать ей место. Соответственно, формируются новые дискурсы: доктрине восстановления независимости начинают противопоставляться концепции ее обретения или же ее развития. Несовершенство первой Республики, ее слабость и трагический финал серьезно подрывают ее способность выступать как прототип (поскольку, по той же мифологической логике, описанной уже Мирча Элиаде, ее ждет такой же конец). Кроме того, в дискурсе "воскрешения" прошлого многочисленные новые события оказывались вне истории. Как не имевшие прототипа они не могли быть наделены смыслом применительно к новой реальности. Паттерн прошлого так и не оформился как целостная идеология, чтобы питать смыслами текущие события, которые тем не менее должны были получить определенную метаинтерпретацию. Для их осмысления отношения подобия обращаются в будущее: сама текущая история объявляется первоначальным состоянием, она и есть источник смысла (прототип) для будущего. На смену модели повторения приходит модель сотворения; она и связанная с ней идеология рассматриваются их адептами как реалистические и прагматические в противовес прежней, не без оснований называемой романтической и утопической. Референдум 21 сентября 1991 г. становится символической точкой сотворения новой Армении – в терминологии президента Л. Тер-Петросяна это было представлено как перерождение не имевшего государственности армянского народа (ժողովուրդ) в политическую нацию (ազգ), поскольку она строится вокруг государства, а не этноса. Подобная трансформация оформляется как деидеологизация – противопоставляемая традиционной национальной идеологии, которая объявляется "ложной категорией"[4].

Но пытаясь освободиться от предшествующих идеологических моделей, новый дискурс вбирает ряд мифологических элементов, хотя и другого порядка, относящихся уже к процессу сотворения мира. Референдум о независимости 21 сентября 1991 г. (после августовского путча и де-факто фатальных дисфункций союзного государства) – в самом деле свелся к ритуалу-празднику. При этом парадоксальность ситуации заключалась в том, что 28 мая уже был объявлен днем независимости и национальным днем, и Армения проводила свой референдум в условиях независимости. Творцам нового дискурса пришлось некоторое время мириться с этим. 21 сентября был объявлен (национальным) праздником, но без имени, хотя и отмечался как главный *национальный* день. Только в 1995 г., новым парламентом, в котором АОД практически избавился от оппозиции, этот день был поименован днем Независимости, а 28 мая было переименовано в День республики (но не День Первой республики). Однако дискурс сотворения нации во главе с отцом-основателем Левоном Тер-Петросяном завершился едва начавшись. Его фактическое поражение на выборах 1996 г. (хотя благодаря поддержке силовиков оформленное как победа) и вынужденный уход в отставку в 1998 г.

[4] Ср.: "Понятие национальной идеологии также является ложной политической категорией, потому что невозможно объединить всю нацию вокруг одной единой идеологии. Всегда будут люди или группы людей, и это их полное право, которые никогда не примут эту идеологию". См. Левон Тер-Петросян. Выступление на заседании Верховного Совета Армении по вопросу о порядке принятия Конституции (25 апреля 1994 г.). *Айастани Ханрапетутюн*, 26.04.1994 (на армянском языке).

привел к тому, что нарождавшийся нарратив лишился главного героя, вслед за ним лишился легитимности и дееспособности и сам дискурс.

В ПОИСКАХ СИНТЕЗА: РЕСПУБЛИКА КАК ОБЪЕКТ ЭТЕРНАЛИЗАЦИИ

Пришедшие к власти новые силы, в первую очередь, президенты Роберт Кочарян и Серж Саргсян были скорее практиками, нежели идеологами. Однако запущенный в конце 1980-х – начале 1990-х годов процесс мифотворчества развивался в соответствии с намеченной логикой: на этом этапе происходят медиативные процессы, позволяющие найти символы, совмещающие контрарные концепты. Доминантным становится концепт Третьей республики, но не в противопоставлении к первым двум, а как их "примирение".

Если на первом этапе акцентировалась несовместимость советских и "армянских" символов, то впоследствии намечаются попытки примирить и найти объединяющую их форму. Так, с самого начала делались попытки сохранить предшествующее, но без явной коммунистической символики. Например, предлагалось сохранить герб Армянской ССР Мартироса Сарьяна, но убрать из него расположенную наверху звезду, или же восстановить гимн Арама Хачатуряна, но изъять из текста слово "советский". Но перенос дискуссии в область эстетики не был оправдан – существенны были именно политические, или, скорее, мифопоэтические аспекты символа и свойство отсылать к прототипу как своему означаемому.

Еще во время правления АОД был достигнут определенный консенсус: основная часть общества не намерена была отказываться от достижений Советской Армении, поэтому если вначале был провозглашен отказ от них, то в дальнейшем наметилась контаминация "старого" и "нового". Идея регулярно восстанавливаемой государственности нашла неожиданную опору в факте существования Армянской ССР, что сделало возможным даже найти арифметическое выражение для новой реальности – это Третья республика, что предполагает существование не только Первой, но и Второй.

С легитимацией Армянской ССР как "второй республики", рассматриваемой в качестве переходной ступени к "новой" Армении, независимость стала восприниматься не как восстановление утраченного или же как абсолютно новое состояние, а как повышение степени государственного суверенитета. Прежние коллизии после распада СССР потеряли свою драматичность. В формируемом ранее в условиях конфликта с продолжавшим существование СССР дискурсе все, что ассоциировалось с советским и коммунистическим, подлежало аннулированию. Теперь же стало возможным считать приемлемым в том числе и "советское", но без "коммунистического". Так, была сделана попытка восстановить, но в модифицированном виде Женский день 8 Марта и день Победы 9 Мая – первый был преобразован в день Материнства и перенесен на 7 апреля (церковный праздник благовещения Марии), а день Победы стали отмечать 8 мая – как в "цивилизованной" Европе. (Заметим, что общество не приняло этих нововведений, что позднее стало причиной восстановления этих праздников в первоначальной форме.) Новая власть восстанавливает оба праздника в исконном ("советском") виде. Фактически главным праздником, унаследованным от советского периода, оставалось 9 Мая, – но в символическом "триединстве". Помимо победы в Великой Отечественной, в этот день отмечались освобождение Шуши во время Первой Карабахской

войны, и День ополченца. К этому Дню примыкали и "майские победы" – Сардарапатская битва и связанные с ней сражения 21-24 мая 1918 г. Но такое совмещение реалий всех трех Республик создавало "мнемоническую неоднозначность" (см. [Zolyan 2023]); а в терминах когнитивистики подобное оперирование можно охарактеризовать как блендинг.

Три концепции, несмотря на их противоречивость, были признаны властью и обществом, создав причудливую систему государственной идеологии и символики, согласно которой Республика Армении (А) считается правопреемницей и продолжательницей Советской Армении; (Б) вместе с тем наследует государственную идеологию и символику Республики 1918-1920 гг.; (В) и признает при этом главным государственным праздником 21 сентября – День независимости в ознаменование дня референдума 1991 г., когда – как утверждалось идеологами этого направления – армянский народ впервые стал политической и гражданской нацией.

Однако в ходе последующего развития не происходит гармоничного синтеза этих трех концепций. Напротив, все более усиливается архаизирующий подход, согласно которому Армения есть извечно существующая нация, безотносительно к какому-либо государственному или общественному устройству. В частности, была попытка закрепить подобный подход в проекте Закона об объявлении 11 августа праздником – Днем национальной идентичности. Законопроект был единогласно одобрен Национальным собранием Республики Армении в первом чтении[5], но окончательно он так и не был принят. Впрочем, сама подобная законодательная инициатива свидетельствовала об изменившемся отношении к идентичности: из политического самоосмысления себя как нации общество возвращалось к характерному для идеологов XIX в. фольклорно-эпическому пониманию. Подобная архаизация стала характерной не только для властей, но и для оппозиции. Так, наиболее радикальная ее часть, сторонники вооруженных действий, также нашла для себя прототип в уже в другом армянском эпосе и присвоила себе имя "Неистовые сасунцы" (Сасна Црер)[6].

Архаизация дискурса, безусловно, может быть сопряжена с оформившимся уже при Левоне Тер-Петросяне и консолидировавшемся при Серже Саргсяне политическом режиме, который можно было охарактеризовать как феодальную демократию, – порядок, при котором населению на национальных и местных выборах предоставлена возможность выбирать своего "феодала" (см.: [Bremer, Cory 1997; Золян 2007; Zolyan 2011]). Однако стремление максимально консолидировать эту власть – попытка Сержа Саргсяна путем изменения Конституции создать возможность для своего неограниченного переизбрания – обнажили накопившиеся проблемы и противоречия, в том числе и внутри правящей элиты, не говоря уже об армянском обществе, изрядно уставшем от

[5] Как было вычислено на основании древних армянских хроник, в 11 августа 2492 г. до н.э. прародитель армян Айк победил пытавшегося покорить их вавилонского царя Бэла, создав тем самым возможность свободного и независимого существования армянства. О парламентской инициативе см.: 11 августа предлагается отмечать как праздник армянской национальной идентичности. *Armenrress*, 04.02.2009. https://armenpress.am/hy/article/462178 (на армянском языке). (accessed 21.07.2024).

[6] 17 июля 2016 г. вооруженная группа захватила полицейский полк в Ереване и объявила о восстании против режима, с требованием отставки президента и освобождения политических заключенных. После двухнедельного противостояния мятежники сдались властям. В поддержку восставших проходили многочисленные манифестации, закончившиеся силовым разгоном демонстрантов. Подробнее см. [Фомин, Силаев 2018].

десятилетнего правления Сержа Саргсяна и двадцатилетнего доминирования Республиканской партии. Итогом стал тотальный крах сложившейся системы.

Конец Третьей республики (Армения после 2018 г.)

В апреле 2018 г. массовые протесты вынудили Сержа Саргсяна передать власть Николу Пашиняну. Организаторы и бенефициары этих событий окрестили их *бархатной ненасильственной революцией*. Она породила новые дискурсы, которые отсылали не к историческим реминесценциям, а к текущим событиям. На этом этапе происходит отвержение символики и истории всех трех республик, отказ от прежних метанарративов и десемантизиция прошлого. Несмотря на то, что ситуации до и после поражения во второй Карабахской войне (ноябрь 2020 г.) значительно различаются, символическая политика продолжает тем не менее основываться именно на деконструкции прежних символов, связанных с историей Армении, и семиотизации настоящего, событий, происходящих здесь и сейчас[7]. При этом сам официально закрепленный термин – "бархатная революция"[8] – заимствован из внешних описаний, он предполагает аналогию с событиями 1989 г. в Чехословакии, а не с так называемыми "цветными революциями" на постсоветском пространстве. Прецедентами-прототипами становятся события не армянской, а мировой истории, это не только Чехословацкая, но и Французская революция, именно они стали образцами ориентированных вовне метанарративов-самоописаний сил, участвующих в этих процессах. Никол Пашинян сравнивает себя не с героями армянской истории, а то с Эрнесто Че Геварой, то с Махатмой Ганди. Армения провозглашается страной, преподающей миру беспрецедентные уроки демократии и гражданского согласия[9]. Бывший "Форпост России"[10] провозглашается *бастионом мировой свободы и демократии*[11].

При этом для внутренней аудитории действуют иные дискурсивные практики, где нарративы и символы заменяются перформативами, в том числе и невербальными магическими практиками (например, барабанный стук и хлопанье в ладоши под скандирование вслед вождю с использованием звукоподражания "Дэмп – Дэмп-Ху" – имитации барабанного боя. Сам барабанщик

[7] В аналитике до сих пор освещен начальный этап, причем во многом апологетические описания основываются на автоописаниях самих акторов-победителей. Более подробное освещение можно найти в специально посвященных выпусках и монографиях: [Demokratsizacija 2018; Broers, Ohanyan 2021; Lanskoy, Suthers 2019; Ohanyan, Kopalyan 2022]. Описание соответствующих процессов "изнутри" см. [Атанесян 2018; Саркисян, Дунамалян 2020]. О влиянии языка их самоописания на метаописания см. [Zolyan 2020].

[8] Термин "бархатная революция" является, фактически, калькой, закрепившейся в русскоязычном дискурсе, с распространенного в мировой науке и политической публицистике термина *Velvet Revolution*. См., например, [Armenia's Velvet Revolution... 2018].

[9] См. заявление, сделанное Никола Пашиняном во время неофициальных визитов в 2018 г. во Францию: Ереван занимает особое место в сердцах парижан: Никол Пашинян встретился с мэром Парижа Анн Идальго. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 14.09.2018. https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2018/09/14/Nikol-Pashinyan-met-with-Mayor-of-Paris/) (accessed 21.07.2024).

[10] Так, как пейоратив, называли Армению пришедшие к власти оппозиционеры, намекая на ее несамостоятельность, используя не самое удачное выражение Б. Грызлова. См.: Борис Грызлов: Армения является форпостом России на Южном Кавказе. *ИА Регнум*, 15.12.2004. https://regnum.ru/news/376296 (accessed 21.07.2024).

[11] См. Армения сегодня является бастионом демократии в мире, а не США и Европа – Мирзоян. *АМИ. Новости Армении*, 16.06.2019. https://newsarmenia.am/news/armenia/armeniya-segodnya-yavlyaetsya-bastionom-demokratii-v-mire-a-ne-ssha-i-evropa-mirzoyan-/ (accessed 21.07.2024).

Давид Аргаманян после 2018 г. стал судьей[12]). Перформативом оказывается и главный слоган (“Сделай шаг! Отвергни Сержа!”), он предполагает и буквальную реализацию – хождение по улицам как обозначение протеста. Изменение стилистики и прагматики очевидно при сравнении плаката для референдума по конституционной реформе 2020 г., который был выбран по итогам общенационального конкурса. Конкурс закончился скандалом: авторы “нового” плаката просто убрали символику предыдущего Референдума о независимости 1991 г., оставив только команду сказать “ДА” (рис. 1b). Этот акт плагиата высветил различия – вместо символов и нарративов, отсылающих к истории, новый плакат использует лишенный каких-либо ассоциаций перформатив.

В начальный период, отмечая 100-летие Первой республики (май 2018 г.), новоназначенный премьер несколько изменил официальный нарратив о преемственности Трех республик, исключив Вторую. Сама Бархатная революция описывалась как возрождение демократических традиций Первой республики (что было перифразой из Декларации независимости). Но был добавлен новый элемент: предшествующая столетняя история, (да и вся история Армении) была объявлена подготовкой к заключающему ее триумфу Бархатной революции. Именно она (а не легендарные времена Тиграна Великого) была признана наиболее славной страницей армянской истории[13]. Согласно новому нарративу, демократия извечно присуща армянам, но она не могла полноценно проявиться ранее, ни в советский, ни в постсоветский период. Поэтому происшедшие события – не просто смена власти, и даже не только революция, но и национальное возрождение[14].

Были провозглашены новые герои и мученики, выявлены подлежащие преследованию новые враги. Все они были не героями прошлого, а участниками текущих событий. Неформальным гимном для победившей на внеочередных выборах в 2018 г. коалиции “Мой шаг” на некоторое время стала песня “Сделай шаг” с рефреном “Сегодня я делаю мой шаг” (слова народного премьера), а вскоре были воздвигнуты статуи шагающего человека и даже собаки, сопровождавшей марширующих революционеров. Смена власти приводит не к смене фамилий в учебниках истории, а напрямую затрагивает участников – прежние руководители были объявлены преступниками, а генералы первой Карабахской войны были обвинены в коррупции. На смену культу мучеников и героев – погибших во время погромов в Азербайджане и пришел культ новомучеников 1 марта, когда в ходе антиправительственных протестов были убиты десять человек. Некоторые ранее осужденные за эти

[1] См.: “Ударный” судебно-правовой ансамбль Никола. *7or.am: Լուրեր Հայաստանից*, 02.02.2022. https://www.7or.am/ru/news/view/231523/ (accessed 21.07.2024).

[13] См. Поздравительное послание премьер-министра Никола Пашиняна по случаю 100-летия Республики Армения и Героических майских сражений. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 28.05.2018. https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2018/05/28/Prime-Minister-Nikol-Pashinyans-address (accessed 21.07.2024).

[14] Годом позже Н. Пашинян, за которым закрепился неофициальный статус “народного премьера”, заявил, что “ценности Бархатной революции являются общеармянскими ценностями: после Всеармянской революции многолетняя раздробленность, царившая в нашей действительности на протяжении многих лет, должна быть заменена общеармянским единством”. См. “The Velvet Revolution’s values are all-Armenian values: following the Pan-Armenian revolution, the long-standing fragmentation that prevailed in our reality for many years should be substituted with all-Armenian unity” – PM delivers speech at Renaissance Square in Stepanakert. *The Prime Minister of the Republic of Armenia*, 05.08.2019. https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2019/08/05/Rally/ (accessed 21.07.2024).

события организаторы Бархатной революции стали героями, победителями и государственными деятелями.

В ознаменование победы Бархатной революции был введен новый праздник – День гражданина, день его празднования – последняя суббота апреля – ясно показывает, к какому событию он был приурочен. В постановлении правительства были обозначены цели его введения: "...Назрела необходимость... учредить День гражданина РА, в связи с политическим завершением пути, пройденного представителями власти за предыдущие 20 лет в результате ненасильственной бархатной революции и победы народного движения..."[15]

Первоначально он был задуман как день простого человека, национальный праздник в этнографическом стиле. Вместо государственной символики на праздничных плакатах красовался выведенный рукой премьера слоган "Армения – мой дом (*букв.*: "очаг"), народ – моя семья". "Народный премьер" участвовал в гуляниях, помогал жарить шашлыки и вкушал уличную еду. Видимо, этот день должен был стать главным праздником, призванным увековечить победу Бархатной революции и заместить День победы[16]. Однако само празднование было торжественно организовано лишь в 2019 г. (в 2020 г. помешал COVID-19, а после поражения в 2020 г. власти перестали отмечать его с прежним размахом, не организуя каких-либо массовых мероприятий и ограничиваясь дежурными посланиями). Кардинально изменившаяся ситуация приводит к сотворению нового мифа – попытке конструирования будущей Армении, что на практике оказывается деконструкцией существующей.

Призрак Четвертой республики

После военных и политических и неудач 2020-2022 гг. была предпринята попытка утвердить концепцию Четвертой республики. Основная идея заключалась в том, что предыдущие три были несовершенны. Однако какой должна быть Четвертая республика, – эта концепция в своей позитивной части все еще остается на уровне ожидания "светлого будущего". Бывший тогда президентом Армен Саркисян был первым, кто открыто высказал идею Четвертой республики сразу после поражения во Второй Карабахской войне[17]. Он пообещал рассказать о том, как реализовать идею будущей Армении в следующей статье. К сожалению, он ушел в отставку, не выполнив этого обещания. Представление о будущем Армении так и не стало политической программой, и в 2021 г. от него осталось только надежда, что будущее, несмотря ни на что, наступит. Именно эта бесспорная истина "Ապագա կա" ("Есть будущее") стала главным слоганом внеочередных выборов 2021 г., когда в ходе избирательной компании перевязанный трехцветной ленточкой[18] молоток стал чем-то вроде символа избира-

[15] См. В Армении будет отмечаться новый праздник – День гражданина. *Newsarmenia*, 21.03.2019. (на армянском языке). https://newsarmenia.am/am/news/armenia/nor-ton-hayastanum/ (accessed 21.07.2024).

[16] Для сравнения приведем данные опроса, проведенного Армянской социологической ассоциацией в августе-сентябре 2022 г.: "Самой большой исторической победой армянского народа" около 50% считают победу в 1-й Карабахской войне, Сардарабадское сражение – 21,4; 9,5% – победу в Великой Отечественной, 3,5% – правление Тиграна Великого, 1,5% – "Бархатную революцию" 2018 г. (см. [Погосян 2023: 48-49]).

[17] Саркисян А. На пути к "Четвертой Республике". *Официальный сайт Президента Республики Армения*, 11.01.2021. https://www.president.am/ru/press-release/item/2021/01/11/President-Armen-Sarkissians-article/s (accessed 21.07.2024).

[18] Трехцветный флаг Армении в силу его асемантичности стал единственным государственным символом, который не подлежал отрицанию.

тельной кампании Пашиняна, который демонстрировал его на своих митингах, интерпретируя как *стальной мандат, который он просит у избирателей*[19].

Вскоре помимо личностей бесславного прошлого объектом атаки стали и государственная символика, прежде всего герб и текст, а затем уже и музыка гимна. Происходит символическое отрицание всех прежних исторических ценностей, прежде всего связанных с отношениями с Турцией и Азербайджаном. Символ трактуется как не-символ, он лишается истории и контекста и не отсылает к предыдущим символическим практикам (например, к геральдической традиции или гербам государств-предшественников). Деконструкция символических дискурсов основывается на их новом буквалистском прочтении. Например: "Смотрите, что изображено на нашем гербе... Ноев ковчег на горе Арарат, гербы четырех царств исторической Армении... При этом, если смотреть в центр изображения на гербе, то на горе Арарат стоит Ноев ковчег, сегодняшняя территория Республики Армения находится под затоплением, затем лев, который давно не живет в естественных условиях здесь, в Армении"[20]. Министерство культуры и образования РА также выразило обеспокоенность по поводу не обитающих в Армении львов[21]. Гора Арарат, – уже вне зависимости от герба традиционный символ Армении, – также стала предметом обсуждения. Поскольку она находится на территории современной Турции, в качестве символа страны предлагается использовать гору Арагац, находящуюся на территории РА[22]. Претворяя эту идею, премьер проводит официальные встречи на фоне изображенной на стене горы Арагац. Текст гимна подвергся им критике за прославление тех, кто погиб за свободу родины, за то, что завершается темой смерти[23]. Впоследствии премьеру в гимне не понравилось и упоминание о врагах, – это позволит, де, нашим соседям считать, что армяне считают их врагами и тем самым подтолкнуть к враждебным действиям[24]. Позднее к обсуждению гимна обратился и председатель парламента Ален Симонян. Его не устраивала "не-армянская" музыка. О гербе Армении, на котором Арарат занимает центральное место, и изображение которого в свое время было создано Мартиросом Сарьяном, также предпочитают не вспоминать.

Особую прагмасемантику подобным выступлениям придает то, что они приурочены к ритуальным датам – так, о государственных символах премьер гово-

[19] После убедительной победы Н. Пашиняна на выборах 2021 г. Прокуратура Армении разъяснила, что *"молот, который должен был ударить по пустым головам угнетателей народа"*, следует трактовать метафорически: как символ верховенства закона. См.: Прокурор Бишарян: "Демонстрация молотка – символ установления диктатуры закона". *Голос Армении*. 11.08.2021. https://www.golosarmenii.am/article/123497/prokuror-bisharyan-demonstraciya-molotka---simvol-ustanovleniya-diktatury-zakona (accessed 21.07.2024).

[20] См. Заключительная речь премьер-министра Никола Пашиняна в НС на обсуждении исполнения государственного бюджета на 2022 год. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 15.06.2023. https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/06/15/Nikol-Pashinyan-Speech/ (accessed 21.07.2024).

[21] См.: Жанна Андреасян об изменении герба: Мы не отказываемся от своей истории. *Арминфо*, 13.07.2023. https://arminfo.info/full_news.php?id=77415&lang=2 (accessed 21.07.2024).

[22] См. Никол Пашинян: Самая высокая гора Армении – Арагац. 22.05.2023. https://news.am/rus/news/761252.html (accessed 21.07.2024).

[23] См. Заключительная речь премьер-министра Никола Пашиняна... Указ. соч.

[24] См. Интервью премьер-министра Никола Пашиняна программе "Безопасная среда" Общественного радио Армении (Часть 1). *Armenpress*, 01.02.2024. (https://armenpress.am/rus/amp/1129392). (accessed 21.07.2024).

рил именно в День государственных символов, новое прочтение Декларации Независимости – в День ее принятия. Тем самым праздник заменяется антипраздником, а ритуальные славословия – деконструктивистской критикой (современный аналог ритуального поругания святынь). Трагический исход армян из Нагорного Карабаха, кризис внешней политики и отсутствие какой-либо внятной стратегии во внутренней приводит к еще одной трансформации дискурса, – это деконструкция Третьей республики и ее основополагающего документа "Декларации независимости" 1991 г. Миф *бархатной революции* как венца армянской истории заменяется отрицанием все трех республик и исправлением лежащих в их основе фундаментальных ошибок. Рассмотрим лишь те аспекты, которые касаются символической и исторической политики. Это тем более уместно, что инициируемый правительством дискурс, хоть это может показаться странным, направлен именно на обсуждение символики и семантики. Так, правительство организовало онлайн-дискуссию о замене предмета "История Армении" на "Армянскую историю" (можно понимать и с большей долей архаизации – как "Историю армян"). Но в общеполитическом контексте за этой, казалось бы, чисто филологической заменой проглядывает попытка сформировать новую идентичность и новый политический курс, предполагающий "ноль проблем с Турцией и Азербайджаном". Соответственно, переименование предмета может стать основанием для исключения таких концептов, как *Армянское нагорье, Западная Армения, Великая и Малая Армения* и ограничиться историей, замкнутой границами современной Республики Армения.

Изменяется также коммуникативная стратегия и стилистика. Власть теперь избегает однозначных ответов, свои идеи она предпочитает формулировать в виде риторических вопросов. Происходит рефрейминг – императив сменяется на "мысли вслух": адресата (народ, общество) приглашают подумать и дать ответ, убеждают ли его аргументы властей (причем *аргумент* оформлен как *вопрос*). "Наш аргумент таков: должна ли реальная Армения служить исторической Армении, или историческая Армения должна служить реальной Армении? И это политический и эпохальный вопрос, на который мы должны дать ответ"[25]. В ходе таких изменений пламенного оратора, однозначно выражающего волю народа, сменяет степенный аналитик, размышляющий над различными альтернативами и, увы, запутавшийся в них. В политическом лексиконе закрепляются термины *нарратив и дискурс,* а вместо лозунгов и команд главным жанром провозглашается *рефлексия и самосозерцание*[26].

Кооперативная модель убеждения сменяет императивную, вместо перформативов-междометий типа "Дэмп – Дэмп-Ху" предлагается инициация дискуссии, излагаются *pro et contra*, а окончательный ответ должен дать народ. Тем не менее после череды оговорок принимается "правильное" решение[27]. В этих изменениях можно увидеть попытку ухода от ответственности за явно непопулярные решения. Власти не могут не знать, что большинство вовсе не считает актуальной проблемой смену герба и гимна[28]. Еще серьезнее то, что

[25] См. Заключительная речь премьер-министра Никола Пашиняна... Указ. соч.

[26] См. там же.

[27] См. Интервью премьер-министра Никола Пашиняна... Указ. соч.

[28] Так, в репрезентативном социологическом опросе, проведенном в июле 2023 г. группой MPG (представителем Международной ассоциации GALLUP в Армении), 88,3% опрошенных отметили, что не видят необходимости в изменении государственных символов Армении, только 8% видят не-

призыв изменить Конституцию в части, включающей ссылку на Декларацию независимости, трактуется как выполнение ультиматума, уже обнародованного бакинским визави[29]. Оглашения этого требования вызвало отрицательную реакцию армянских властей и было расценено как "вмешательство во внутренние дела Армении"[30], поскольку разрушало продвигаемый ими нарратив. В его рамках пересмотр Декларации представлялся как результат собственной "рефлексии и самосозерцания" новой власти, а текст Декларации наделялся магической вредоносной силой, в его "неправильности" обнаруживался главный источник современных бед и злосчастий.

De facto воплощая идеи Леви-Стросса об инверсии и рекурсии как базовых операциях развертывания мифа, Пашинян предложил оригинальное прочтение Декларации как основанного на циклической рекурсии *нарратива*, выводящего Армению из состава СССР и вновь возвращающего ее в исходное состояние – исхода из СССР: "Анализ текста Декларации показывает, что мы, наконец, выбрали такой нарратив и содержание, в основе которого – формула, сделавшая нас частью Советского Союза. Речь идет о конфронтационном нарративе с региональной средой, которая держала нас в постоянных конфликтах с нашими соседями... Декларацией независимости мы провозгласили путь к выходу из Советского Союза, но мы также закрыли все пути выхода из Советского Союза. Приняв в конце XX века Декларацию независимости, мы приняли формулу, которая уже привела нас к потере независимости в начале XX века"[31].

Итак, в заявлении, опубликованном в годовщину принятия Декларации, сказано, что предыдущая базовая государственная доктрина нуждается в пересмотре. Однако новая доминирующая политическая доктрина пока эксплицитно не выражена. Вопрос ограничивается обсуждением, так как общественное мнение реагирует негативно. Благополучное и мирное будущее не наступает, напротив, политическое время поворачивается в обратном направлении. Борясь с Третьей Республикой, ее символикой и идеологией, новое руководство приближает страну к катастрофической ситуации 1918-1920 гг., основания и гибели Первой республики. Но при этом, отрицая наследие СССР, в рамках все тех же операций инверсии и рекурсии, премьер как к реальности апеллирует к более как тридцать лет не существующей Армянской ССР, все еще оставаясь в символических административных границах Второй республики. Выражаясь его же словами, "призрак СССР будет витать в нашем небе"[32].

Попытки нынешних армянских властей выработать конкретное видение будущего ограничены тем, что их политический язык в целом состоит из повто-

обходимость внесения изменений в государственные символы, еще 3,7% затруднились ответить. См. А. Оганесян. Жанна Андеасян об изменении герба: Мы не отказываемся от своей истории. *Арминфо*. 13.07.2023. https://arminfo.info/full_news.php?id=77415&lang=2 (accessed 21.07.2024).

[29] Алиев призвал Армению положить конец территориальным претензиям к Азербайджану. *ТАСС*, 14.02.2024. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19985711?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 21.07.2024).

[30] Пашинян заявил, что пытаются вмешаться во внутренние дела Республики Армения. *Hraparak.am*, 15.02.2024. https://hraparak.am/post/30786b2994f56ff4b504b9fc86692fd6 (accessed 21.07.2024).

[31] См. Поздравительное послание премьер-министра Никола Пашиняна по случаю 33-летия принятия Декларации о независимости Республики Армения. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 23.08.2023. https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/08/23/Nikol-Pashinyan-message/ (accessed 21.07.2024).

[32] Там же.

рения лозунгов об отказе от прошлого и о воплощении армянской мечты[33]. На деле, общей тенденцией стала деидеологизация прежней национальной символики, а результатом – деконструкция всей символической системы, в том числе и вновь введенной в 2018 г.

Трансформационная логика мифа не позволяет выйти за пределы уже созданных схем. Вместо новых символов и концептов практикуется отражение, перегруппировка предыдущих и вопроизведение означающих, потерявших связь с означаемыми. Воспроизведение пустых форм получило буквальное воплощение. Еще в 1913 г. выдающийся армянский поэт Ваан Терьян (в 1918 г. – замнаркома по делам национальностей, трагически погиб в 1920 г. в Оренбурге), споря с "*зоологическими" националистами*, показал, что их не интересуют культура и история Армении, их мечта – это облаченный в национальную форму армянский полицейский и все то, что обеспечивает его существование [Терьян 1973: 113-114]. Мечта его антагонистов сбылась, но лишь частично – воплотившись в полицейском, сменившим советскую униформу, но не на национальную, а на европейскую. После 2018 г. в придачу к немалочисленным уже имевшимся, были созданы еще более многочисленные и многообразные полицейские подразделения, постоянно ведется работа над внедрением новых европеизированных униформ для каждого из них. А главным героем Армении провозглашен обеспечивающий существование правительства, армии и полиции исправный налогоплательщик[34]. Однако каких-либо культурных и исторических символов – кроме горы Арагац и самого Пашиняна – пока не предложено. Основным брендом (*sic!*) Армении была и остается *демократия*[35] Военное и внешнеполитическое поражение закрепляется внутриполитическим, что в области символической политики реализуется как деконструкция идеологической системы Третьей республики. Для легитимизации этой цели, как это и предполагается в семантике Оруэлла ("*мир есть война*"), условия капитуляции оформляются как наконец-то наступающее утверждение независимости и суверенитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: В ПОИСКАХ ЛУЧШЕГО ПРОШЛОГО

Политическая постсоветская история Армении распадается на четыре периода, каждый из которых связан с определенным политическим режимом (1990-1998; 1998-2018; 2018-2020; 2020 – по настоящее время). Каждый из них порождает различные политические мифы, как доминантные (официальные), так и оппозиционные, однако в целом все они ведут начало от базового словаря, сформировавшегося именно в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Все они основаны на трансформации (отрицании, инверсии и рекурсии) преды-

[33] "Логика формирования политического мифа вокруг 'ненасильственной революции' может стать благодатной почвой для популистского образа мышления политической элиты и, как следствие, болезненного кризиса в случае неспособности претворить в жизнь некоторые утопические проекты, а также столкновения нового мифа с политической реальностью" [Саркисян, Дунамалян 2022: 68]. См., например: "...Да, это программа мечты, благодаря которой мы возвращаем гражданину РА право мечтать и выполнять их". Никол Пашинян. *Irazek.am*. 07.06.2021. https://www.irazek.am/ru/news/3422 (accessed 21.07.2024).

[34] См.: Герой № 1 в Армении – работающий и платящий налоги гражданин: премьер-министр РА. *Armenrress*. 08.02.2024. https://armenpress.am/ru/article/1129834 (accessed 21.07.2024).

[35] Демократия – основный бренд Армении, и это наше убеждение и наша стратегия: Никол Пашинян. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 31.05.2023. https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2023/05/31/Nikol-Pashinyan-Armenian-Forum-Democracy/ (accessed 21.07.2024).

дущих этапов символических концептуальных паттернов. Так, начальный этап характеризовался переоценкой ценностей: все советское подлежало отрицанию, а в качестве образца рассматривалась Республика Армении 1918-1920 гг. Возникает идеологический конфликт – между концептами реинкарнации и созидания, поскольку новая власть стремится утвердить себя через миф сотворения принципиально новой – а именно политической нации. Советской Армении противопоставляется не-Советская, которая затем расщепляется на два контрарных концепта – Первая *vs* Третья Республика. Затем происходит их "примирение", что нашло отражение в метанарративе Трех республик – Советская Армения занимает достойное место как промежуточное звено перехода от неполной к полноценной независимой государственности. В 2010-е годы возрождаются примордиалистские нарративы, утверждающие неизменность Армении начиная с легендарного прародителя Айка. В настоящее время очевидна попытка создания концепта "Четвертой республики", основанного на отрицании предыдущих, вплоть до отказа от Декларации независимости как советского наследия и аннулирования символов предыдущих эпох (герб, гимн, гора Арарат).

Динамику этих изменений можно обобщенно представить в духе формулы Леви-Стросса [Lévi-Strauss 1955: 442-443]:

$$Fx(a) : Fy(b) = Fx(b) : Fa\text{-}1(y);$$

разумеется, взятую как некоторый паттерн, предельно абстрагирующий семантику порождаемых дискурсов. Если *Fx* интерпретировать как отношение *Конструирование*, *Fy* – как *Отторжение*, термы *(a), (b)* и *(c)* как, соответственно, *настоящее*, *прошлое* и *будущее*, то происшедшие события описываются как стадиальные переходы (см. табл.).

Таблица (Table)

Описание стадиальных переходов политической истории постсоветской Армении в аспектах символической политики и политической мифологии

Description of stage transitions in the political history of post-Soviet Armenia in the aspects of symbolic politics and political mythology

Стадиальные переходы	Исходное состояние		Целевое состояние
1	Конструирование настоящего, отторжение предшествующего прошлого (1991-1998)	*VS*	Конструирование вечного прошлого-настоящего (1998-2018)
2	Вечное прошлое-настоящее (1998-2018)	*VS*	Отторжение прошлого-настоящего путем конструирования настоящего-будущего (2018-2020)
3	Конструирование настоящего-будущего (2018-2020)	*VS*	Отторжение настоящего-будущего путем конструирования прошлого (после 2020 года)*

Примечание: *Согласно логике стадиальных переходов, после 2020 г. должна появиться следующая антиномия, приходящая на смену существующей, причем – не Четвертая Республика и не Третья, а некоторое мифологизированное прошлое. Нынешний господствующий метанарратив должен быть заменен его инверсией.

Подтверждение модели, приведенной в таблице, мы находим в результатах уже упомянутого (в сноске 16) социологического опроса[36]. Он показывает, что современное армянское общество живет одновременно в различных временах. В разных социальных слоях синхронно могут существовать различные временные циклы и закономерности. При этом власти и большая часть общества проживают текущий исторический период в различных временных и дискурсивных парадигмах. (Анти-)символическая политика, формируемая сегодняшней властью, и логика политического мифотворчества оказываются противоположно направленными. Это неизбежно ведет к драматической коллизии, поскольку навязываемые сверху идеологемы оказываются в отношении контрадикции представлениям армянского общества о собственной идентичности. Подавляющее большинство предпочитает идентифицировать себя с символами прошлых эпох, с которыми у большинства ассоциируется положительный образ Армении. Согласно данным этого опроса, примерно 60% считают эпоху царя Тиграна Великого (1 век до н.э.) самым успешным периодом в истории Армении. Вторым успешным периодом стали 1970-е годы Советской власти (22,5%). Наконец, 15% упомянули легендарные времена мифического прародителя армян Айка. Только 12% относят лучшие времена к независимой Республике Армения. В сознании современных армян прошлое явно преобладает над настоящим: "мифологическое" прошлое и настоящее соотносятся как 87,5% против 12%. Подробнее о результатах опроса см. [Погосян 2023: 52-53; Погосян, Погосян 2023].

Очевидно, что это мифологическое прошлое, которое ассоциируется скорее с именами-символами, нежели событиями (праотец Айк, Тигран Великий), да и реальная Советская Армения, объект отрицания и деконструкции конца 1980-х – начала 1990-х годов, скорее есть некоторая мифологизированая конструкция, нежели реальный опыт. Вспомним Лумана: общество, как сложная автономная система, порождает собственное прошлое, и фиксирует результаты этой постоянно проводимой операции [Luhmann 1984: 41].

DOI: 10.17976/jpps/2024.05.06

THE HISTORY OF POST-SOVIET ARMENIA THROUGH ITS POLITICAL MYTHS AND SYMBOLS

S.T. Zolyan[1]

[1] *Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia*

ZOLYAN, Suren Tigranovich, Professor, Russian-Armenian University, email: surenzolyan@gmail/com

Zolyan, S. (2024). The history of post-Soviet Armenia through its political myths and symbols. *Polis. Political Studies*, 5, 82-101. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.06

Acknowlegments. The research was supported by the Science Committee of RA, in the frames of the research project №21AG-6C041 "Cognitive, communicative and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity".

Received: 05.03.2024. Accepted: 20.05.2024

Abstract. We address the semiotics of conceptual shifts in the dominant discursive political and sociocultural practices of the Post-Soviet Armenia. The political history of independent Armenia is expressed through

[36] В рамках указанного исследовательской группой в метаданных проекта, реализованного Армянской социологической ассоциацией в конце 2021 г. – начале 2022 г., был разработан комплекс тематических блоков и вопросов для изучения ключевых характеристик исторической памяти современного армянского общества. В течение августа-сентября 2022 г. ею было осуществлено эмпирическое исследование методом анкетного опроса при помощи личных интервью в домах 1500 респондентов, являющихся постоянно проживающими резидентами Армении. Контроль проводился в 10% случаев в присутствие супервайзера проекта и в 15% случаев при помощи проверочных звонков. Подробнее о методологии исследования и его результатах см. [Погосян 2023].

dominant political symbols and concepts, with a heterogeneous mixture of mythologized ancient history, Soviet and anti-Soviet ideologies. Attempts to create new symbols or re-interpret old ones led to significant transformations in the main discursive practices, which could form the foundation for the legitimization of the Armenian political identity. In general, if we depart from the substantive aspects, semiotic operations are governed by two main transformational principles: recursion and inversion, precisely those that Levi-Strauss described in relation to myth. At the same time, different cycles of this process can coexist in the same socio-cultural space. The political post-Soviet history of Armenia is divided into four periods, each of which is associated with a specific political regime (1990 – 1998; 1998 – 2018; 2018 – 2020; 2020 – up to present). Each of them gives rise to different political myths, both dominant (official) and oppositional, but in general, they are all based on the basic vocabulary that was formed in the late 1980s and early 1990s. Therefore, from the point of view of symbolic conceptual patterns, they are all based on the transformation (negation, inversion, and recursion) of the previous stages. Thus, the initial stage was characterized by a revaluation of values: everything Soviet was to be denied, and the Republic of Armenia of 1918-1920 was considered as a model. However, the new authorities intended to establish themselves through the myth of the creation of a fundamentally new – namely, a political nation, therefore, a tension has emerged between the concepts of reincarnation and creation. Soviet Armenia is contrasted with non-Soviet Armenia, which is then split into two opposed concepts: the First vs. the Third Republic. Then their "reconciliation" took place. It is reflected in the metanarrative of the Three Republics, and the Soviet Armenia occupies a worthy place as an intermediate link from incomplete to full-fledged independent statehood. In the 1900s, primordial narratives were revived, asserting the immutability of Armenia, starting with the legendary progenitor Hayk. At present, there is an obvious attempt to create the concept of the "Fourth Republic" based on the negation of the previous ones, up to the rejection of the Declaration of Independence as a Soviet legacy and the annulment of previous symbols (the coat of arms, the anthem, the Mount Ararat).

Keywords: post-Soviet Armenia, political mythology, political symbolism, symbolic politics, national identity.

References

Abrahamyan, L. (2006). Armenian identity in a changing world. Costa Mesa: Mazda Publishers.

Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. (2018). *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 26(4).

Broers, L., & Ohanyan, A. (eds.). (2021). Armenia's Velvet Revolution: authoritarian decline and civil resistance in a multipolar world. London; New York; Oxford: I.B. Tauris. http://dx.doi.org/10.5040/9781788317214

Cassirer, E. (1953). Language and myth. New York: Dover Publications.

Cassirer, E. (1961). The myth of the state. New Haven: Yale University Press.

Edelman, M. (1985). Political language and political reality. *Political Science & Politics,* 18(1), 10-19. https://doi.org/10.2307/418800

Edelman, M. (1998). Language, myths and rhetoric. *Society,* 35, 131-139. https://doi.org/10.1007/BF02838136

Lanskoy, M., & Suthers, E. (2019). Armenia's Velvet Revolution. *Journal of Democracy*, 30(2), 85-99. https://doi.org/10.1353/jod.2019.0027

Lasswell, H.D. (1949). The language of power. In H.D. Lasswel, & N. Leites (Ed.), *Language of Politics* (pp. 3-19). Cambridge: M.I.T.

Lasswell, H.D, Kaplan, A., & Brunner, R.D. (2014). Power and society. A framework for political inquiry. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315127156

Lévi-Strauss, C. (1955). The structural study of myth. *The Journal of American Folklore,* LXVII, 428-444.

Libaridian, G. (1999). The challenge of statehood: Armenian political thinking since independence. Watertown: Blue Crane Books.

Luhmann, N. (1984). Social systems. Stanford: Stanford University Press.

Ohanyan, A., & Kopalyan, N. (2022). How to train your dragon: Armenia's Velvet Revolution in an authoritarian orbit. *Communist and Post-Communist Studies*, 55(1), 24-51. https://doi.org/10.1525/j.postcomstud.2022.55.1.24

Panossian, R. (2006). The Armenians: from kings and priests to merchants and commissars. London: Hurst & Co.

Suny, R.G. (1993). Looking toward Ararat: Armenia in modern history. Bloomington: Indiana University Press.

Suny, R.G. (2001). Constructing primordialism: old histories for new nations. *The Journal of Modern History*, 73(4), 862-896. https://doi.org/10.1086/340148

Rutland, P. (1994). Democracy and nationalism in Armenia. *Europe-Asia Studies*, 46(5), 839-861. https://doi.org/10.1080/09668139408412202

Zakaryan, L. (2023). The activities and the transformation process of the Parliament of Armenia in the first years of Independence. *History and Culture*, 20(2), 159-174. https://doi.org/10.46991/hc.2023.20.2.159

Zolyan, M. (2023). Three republics of Armenia: the Soviet past and the politics of memory in post-Soviet Armenia (1991-2018). *Caucasus Survey*, 12(2), 205-228. https://doi.org/10.30965/23761202-bja10018

Zolyan, S. (2005). Western democratic institutions and the Armenian reality. In *Armenia on the Way to Europe* (pp. 157-172). Yerevan: Antares.

Zolyan, S. (2011). Feudal democracy or democratic feudalism: Armenia in 2008. In *Identities, Ideologies and Institutions. A Decade of Insight into the Caucasus 2001-2011* (pp. 32-47). Yerevan: Caucasus Institute.

Zolyan, S. (2020). The descriptive models of post-Soviet societies and Armenia's possible development trajectory. *Armenia 2018. Realities and Perspectives. Identity*, 3(1), 261-270.

Welt, C., & Bremmer, I. (1997). Armenia's new autocrats. *Journal of Democracy*, 8(3), 77-91. https://doi.org/10.1353/jod.1997.0036

Atanesyan, A.V. (2018). "Velvet Revolution" in Armenia: potential, gains and risks of political protest activity. *Polis. Political Studies*, 6, 80-98. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06

Fomin, I.V., & Silaev, V.Yu. (2018). Armenian nationalism vs. Armenian state: cleavages and coalitions in the discourses on Sasna Tsrer. *Polis. Political Studies*, 3, 78-92. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06

Pogosyan, G., & Poghosyan, R.M. (2023). Socio-cultural identification of modern Armenians. *Sociological Studies*, 11, 121-126. (In Russ.)

Pogosyan, G.A. (2023). Historic memory and national identity. Yerevan: RAU Publishing House. (In Russ.)

Sarkisyan H.L., & Dunamalyan N.A. (2020). The dynamics of civil identity transformation in modern Armenia: factors and subjects. *Polis. Political Studies*, 2, 53-72. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05

Zolyan, S. (2007). Institutions of Western democracy and Armenian reality. *Comparative Constitutional Review*, 2, 129-135. (In Russ.)

Vaan Teryan. (1973). Spiritual Armenia. In *Collection of works in 4 volumes*. *Vol. 3* (pp. **-**). Yerevan. (In Arm.)

Zakaryan, L. (2023). The activities and the transformation process of the Parliament of Armenia in the first years of Independence. *History and Culture*, 20(2), 159-174. (In Arm.)

Литература на русском языке

Атанесян А.В. 2018. "Бархатная революция" в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 80-98. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06. EDN: YNKETZ.

Золян С. 2007. Институты западной демократии и армянские реалии. *Сравнительное конституционное обозрение*. № 2. С. 129-135. EDN: NCHPFH.

Погосян Г.А. 2023. Историческая память и национальная идентичность. Первичные результаты общенационального эмпирического социологического исследования. Ереван: Издательство РАУ.

Погосян Г.А., Погосян Р.М. 2023. Социокультурная идентичность современных армян. *Социологические исследования*. № 11. С. 121-126. EDN: MOECPK.

Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. 2020. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 53-72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05. EDN: HUZFPY.

Фомин И.В., Силаев Н.Ю. 2018. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о "Сасна Црер". *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 78-92. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06. EDN: OSIDKV.

Литература на армянском языке

Закарян Л. 2023. Զաքարյան Լիլիթ. ՀՀ խորհրդարանի գործունեությունը և փոխակերպման գործընթացը անկախության առաջին տարիներին. *Պատմություն և մշակույթ* (Деятельность и процесс трансформации Парламента РА в первые годы независимости. *История и культура*. Т. 20. № 2. С. 159-174).

Ваан Терьян. 1973. Տերյան Վ. Երկերի ժողովածու չորս հատորով, Հ. 3, Եր. (Духовная Армения. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 3. Ереван. С. 103-118).